

EM

Только взявшись за руль, она заметила, что все руки липкие от крови. Но Энни не стала их вытирать. Вместо этого она ударила по газам и так резко выехала из гаража, что из-под колес полетел гравий.

Путь им предстоял долгий. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, она проверила ребенка на заднем сиденье. Сэм спал под одеялом. Его следовало бы посадить в детское кресло, но ей было жалко будить ребенка. Лучше она будет осторожно вести машину. Инстинктивно женщина ослабила нажим на педаль газа.

Летом ночи короткие, темнота уходит, не успев толком прийти, так что уже светало. Но для нее эта ночь длилась целую вечность. Все изменилось. Карие глаза Фредрика невидящим взглядом смотрели в потолок, и с этим она уже ничего не могла поделать. Нужно было спастись самой, спасти Сэма. Не думать о крови. Не думать о Фредрике.

Укрыться можно было только в одном месте.

Спустя шесть часов они были на месте. Фьельбака только начала просыпаться. Энни припарковалась возле спасательной станции и пару минут размышляла, что делать дальше. Сэм крепко спал. Достав пачку салфеток из бардачка, женщина вытерла руки. Засохшая кровь плохо оттиралась. Затем она достала сумки из багажни-

ка и потащила на пристань, где стояла на якоре лодка. Женщина боялась, что Сэм проснется, и потому заперла машину, чтобы он не вышел и не свалился в воду ненароком. С трудом погрузив сумки в лодку, Энни обвязала их цепью — чтобы не украли — и бегом побежала обратно к машине. С облегчением она увидела, что Сэм спит, как и прежде. Прямо в одеяле она отнесла сына к лодке. Стараясь не поскользнуться, осторожно спустилась в нее, положила Сэма на палубу и вставила ключ в зажигание. Мотор завелся с первой попытки. Она давно уже не управляла лодкой, но не забыла, как это делается. Отчалив от пристани, она направила лодку в открытое море.

Солнце уже светило, но еще не грело. Женщина почувствовала, как напряжение постепенно отступает, как страх разжимает свои тиски. Она взглянула на Сэма. Что, если произошедшее станет для него травмой на всю жизнь? Пятилетние дети такие хрупкие... Кто знает, как это на нем скажется. Она сделает все, что в ее силах, чтобы помочь ему. Прогонит боль своими поцелуями, как когда он упал с велосипеда и содрал кожу на коленях.

Путь ей был хорошо знаком. Она знала каждый остров, каждый заливчик. Лодка все дальше отдалялась от берега. Волны стали выше. Нос суденышка все сильнее бился о воду. Наслаждаясь ощущением соленой влаги на лице, она позволила себе зажмуриться на пару секунд. А когда снова открыла глаза, на горизонте уже показался Грошер. Сердце замерло в груди. Так всегда случалось при виде острова с маленьким домиком и белым маяком, гордо возносившимся в синее небо. Было еще слишком далеко, чтобы различить цвет дома, но Энни хорошо помнила этот светло-серый оттенок и белые ставни. И штокрозы с безветренной стены дома. Там было ее укрытие. Ее собственный рай. Ее Грошер.

В церкви в Фьельбаке не осталось свободных мест на скамьях. Амвон купался в цветах. Венки, букеты, ленты со словами прощания.

Патрик не мог заставить себя посмотреть на белый гроб среди цветочного моря. В каменной церкви стояла полная тишина. Не было привычного слабого шума, как на похоронах пожилых людей, когда гости обмениваются фразами вроде «она так мучилась, что смерть была ей благословением» в ожидании поминального кофе. Сегодня же в церкви было тихо. Все молча сидели на лавках, с тяжелым сердцем и ощущением несправедливости происходящего. Так не должно было быть.

Патрик откашлялся и поднял глаза к потолку, чтобы сдержать слезы. Его рука сжала руку Эрики. Кожа чесалась под костюмом. Ему показалось, что он задыхается. Патрик ослабил воротник, чтобы легче было дышать.

Начали бить в колокола. Эхо металось между стенами, пугая посетителей церкви. Взгляды присутствующих обратились к гробу.

Пастор Лена вышла из сакристии и подошла к алтарю. Это Лена венчала их в этой самой церкви, но, казалось, это было в другой жизни, в другой реальности. Тогда атмосфера в церкви царила легкая и праздничная. Сегодня же Лена была серьезна и молчалива. Патрик пытался угадать по ее лицу, что она думает. Считает ли она случившееся несправедливым? Или верит, что все, что происходит, происходит не случайно, что во всем есть смысл? Слезы наворачивались на глаза. Патрик смахнул их тыльной стороной ладони. Эрика незаметно протянула ему платок.

Последние звуки органа стихли, и после минутной паузы Лена взяла слово. Голос ее, подрагивавший вначале, постепенно набирал силу. «Вся жизнь может перемениться в одно мгновение. Но Господь с нами всегда. И сегодня тоже». Патрик видел, как шевелятся ее губы, но не

слышал слов. Не хотел слышать. Те жалкие крохи веры, что остались в нем с детства, испарились. Он не видел никакого смысла в том, что происходит. Патрик сжал руку Эрики в своей.

* * *

— С гордостью сообщая вам, что мы работаем согласно плану. Через две недели состоится официальное открытие отеля «Бадхотеллет» в Фьельбаке.

Эрлинг Ларссон выпрямил спину и обвел взглядом членов управления коммуной, словно ожидая аплодисментов. Но ему пришлось довольствоваться парой одобрительных кивков.

— Он станет настоящей гордостью этих мест, — продолжил Эрлинг. — Полномасштабная реконструкция старинного здания, которое смело можно назвать историческим. И в добавление — современный и конкурентоспособный центр красоты и здоровья. Или спа, как это сейчас называется. — Он изобразил в воздухе знак кавычек. — Остается только финальная отделка. И нужно дать возможность местным жителям первыми опробовать новый комплекс. И, разумеется, подготовить торжественное открытие.

— Звучит хорошо, но у меня есть несколько вопросов. — Матс Сверин, парой месяцев раньше занявший должность финансового директора в коммуне, помахал авторучкой, привлекая внимание Эрлинга.

Тот сделал вид, что не слышат. Он ненавидел все, что имело отношение к бухгалтерии и отчетности. Он быстро объявил собрание закрытым и удалился в свой просторный кабинет. После неудачи с реалити-шоу «Долбаный Танум» никто не верил, что ему удастся подняться, но теперь в его руках был еще более грандиозный проект. Сам Ларссон никогда не сомневался в его успехе, даже под градом критики. Он был прирожденным победителем.

Конечно, работа отнимала силы. Вот почему ему нужно было съездить в пансионат «Свет» в Даларне, чтобы отдохнуть. И это стало велением судьбы. Не съезди Эрлинг туда, он не встретил бы Вивиан. Встреча с ней стала важным поворотным моментом в жизни и в карьере. Никогда еще женщине не удавалось так его увлечь. И это ее мечту он сейчас воплощал в реальность. Он не мог подавить искушение поднять трубку и позвонить любимой. Это будет уже четвертый раз за день, но от звука ее голоса у него по телу бежали мурашки удовольствия. Затаив дыхание, Эрлинг ждал ответа. «Привет, любимая, — сказал он, когда на другом конце взяли трубку. — Я только хотел узнать, как у тебя дела». — «Эрлинг, — сказала она тем особенным тоном, который заставлял его чувствовать себя влюбленным мальчишкой. — У меня все так же хорошо, как и час назад, когда ты звонил». — «Отлично, — ответил он, расплываясь в улыбке. — Я только хотел удостовериться в том, что у тебя все хорошо». — «Я знаю и люблю тебя за это. Но у нас много дел перед открытием. Ты же не хочешь, чтобы я задерживалась по вечерам?» — «Конечно, нет, милая».

Ларссон решил больше не мешать ей звонками. Вечера с ней были для него священными. «Работай, милая, я тоже буду», — послал он пару воздушных поцелуев в трубку и завершил звонок. Потом откинулся на спинку кресла, сцепил руки на затылке и позволил помечтать себе о предстоящем вечере.

* * *

Воздух в доме был спертым. Энни открыла все окна и двери, впуская в комнаты свежий ветер. От сквозняка чуть не слетела со стола ваза, но она поймала ее в последнюю секунду. Сэм лежал в каморке рядом с кухней. Все эти годы ее называли гостевой, хотя на самом деле это была комната Энни. Родители всегда спали на втором

этаже. Она проверила Сэма, поправила шаль на плечах и сняла большой ржавый ключ с гвоздя на стене. Потом вышла на берег. Ветер продувал насквозь. Она устремила взгляд к горизонту. Единственным строением на острове, помимо дома, являлся маяк. Сарайчик у пристани был таким крохотным, что не считался за постройку. Женщина подошла к маяку. Судя по всему, Гуннар смазал замок, потому что ключ повернулся неожиданно легко.

Дверь скрипнула, когда она ее толкнула. Сразу за ней начиналась узкая крутая лестница. Держась за перила, Энни поднялась по ней. От вида, открывшегося сверху, у нее перехватило дыхание. Так случалось каждый раз на маяке. С одной стороны видно было только море и линию горизонта. С другой — шхеры с островами, скалами, заливами. Маяк уже много лет не функционировал. Теперь он возвышался на острове подобно памятнику прошлому. Лампы перегорели. Железо проржавело и медленно разрушалось под воздействием соленой воды и ветра. Ребенком она обожала играть здесь, наверху. Маяк был ее домиком для игр. Места здесь хватало только на кровать, на которой смотрители спали во время смены, и стул, сидя на котором они наблюдали за фарватером.

Энни опустилась на постель. От покрывала пахло гнилью, но звуки вокруг были те же, что и в детстве: крики чаек, шум волн о скалы, скрип, дребезжание, которые издавал сам маяк. Все тогда было так просто. Родители боялись, что ей, единственному ребенку в семье, будет скучно на острове. Но боялись зря. Она обожала остров. И она никогда не была здесь одна. Это трудно объяснить.

* * *

Матс Сверин со вздохом отодвинул бумаги, лежащие перед ним на столе. Сегодня был один из тех дней, когда он просто не мог перестать о ней думать. В такие дни работа не клеилась. Но они случались все реже. Эта жен-

щина начинала терять свое влияние над ним — по крайней мере, ему хотелось в это верить. Но расстаться с ней он не мог. Ее лицо постоянно стояло перед ним. С одной стороны, это было ему приятно, с другой — хотелось бы, чтобы картина была не такой четкой.

Матс попытался сосредоточиться на работе. В любой другой день это было бы весело. Экономика коммуны с ее постоянными колебаниями то в сторону рынка, то в сторону политики представляла сложную задачу. За месяцы работы здесь Матс много внимания уделял проекту спа-комплекса. Хорошо, что старые здания наконец-то отреставрировали. Как и большинство жителей Фьельбаки, как тех, что уехали из деревни, так и тех, кто остался, Сверин переживал, что такие красивые здания не используются. Теперь же они обрели былое величие. Возможно, Эрлинг прав и бизнес ожидает огромный успех. Но почему-то у Матса были в этом сомнения. Большие суммы ушли на реставрацию, а бизнес-план не предусматривал риски. Много раз Матс пытался высказать свое мнение по этому поводу, но никто его не слушал. К тому же у него было смутное ощущение, что что-то здесь не так, хотя расчеты он проверял бесчисленное количество раз, и единственное, что привлекло его внимание, — это размер расходов. Бросив взгляд на часы, Матс понял, что пора обедать. Аппетита он давно уже не испытывал, но знал, что еда нужна организму. Сегодня четверг, значит, в «Челларен» дают гороховый суп с блинчиками. Поесть нужно.

* * *

Только самые близкие могли присутствовать при опускании гроба в землю. Остальные поспешили домой. Эрика крепко сжала руку Патрика в своей. Они шли прямо за гробом, и каждый шаг становился ударом прямо в сердце. Анну она пыталась уговорить не подвергать себя такой

муке, но сестра настояла на том, чтобы похороны были по всем правилам. Она даже вышла из той апатии, в которой пребывала, и Эрика прекратила ее уговаривать и начала помогать с приготовлениями, чтобы Анна и Дан могли похоронить сына подобающе. Только в одном она отказала сестре. Анна хотела, чтобы все дети присутствовали на похоронах, но Эрика решила, что младшим лучше остаться дома. Только старшие дочери Дана, Белинда и Малин, были в церкви. Лисен, Адриан, Эмма и Майя остались под присмотром Кристины, матери Патрика. И, конечно, близнецы. Эрика переживала, что Кристина с ними не справится, но свекровь заверила, что на пару часов ее хватит.

Эरिकе было больно видеть безволосую голову Анны. Врачи сбрили ей волосы, чтобы просверлить череп и облегчить давление, которое могло нанести непоправимый ущерб мозгу. Голова только начинала обрастать темным пушком. В отличие от Анны и водителя во втором автомобиле — он погиб мгновенно — Эरिकе повезло. Она отделалась сотрясением мозга и парой сломанных ребер. Пришлось, правда, делать незапланированное кесарево сечение, и близнецы появились на свет совсем маленькими, но они оказались крепкими и здоровыми и были дома уже через два месяца. Эरिकе хотелось плакать при виде лысой сестры и белого гробика. Анна не только получила травму черепа, она еще и сломала кости таза. Ей тоже сделали экстренное кесарево, но ребенок так сильно пострадал, что надежды не было. Через неделю малыш перестал дышать. Похороны пришлось отложить до выписки Анны из больницы. Она вернулась домой только вчера. А сегодня хоронили ее ребенка, который мог бы жить, окруженный любовью и заботой. Эрика видела, как Дан положил руку на плечо Анне, сидевшей в инвалидном кресле. Но Анна стянула руку. Со дня трагедии всегда так делала. Видимо, ее боль была такой сильной, что она не могла делить ее с другими. Но Дану это было необходимо. И не

просто с другими, а с ней, с Анной. Эрика и Патрик пытались поговорить с ним, помочь. Но ему нужна была только Анна. А та не могла. И Эрика ее понимала. Она знала свою сестру, знала, что ей пришлось пережить. Судьба и так была к ней несправедлива. И как бы потеря ребенка не стала последней каплей. Как бы Эрике хотелось, чтобы все было по-другому... Анне Дан нужен был как никогда, а Дану нужна была Анна. А теперь они вели себя как незнакомцы, пока гроб с их крошечным сыном опускали в землю. Потянувшись, Эрика положила Анне руку на плечо. Та не шевельнулась.

* * *

Не зная, куда девать энергию, Энни принялась за уборку. Проветривание помогло, но затхлый запах намертво засел в шторах и постельном белье. Она бросила все в корзину и понесла на пристань. Вооружившись мылом и старой стиральной доской, которая лежала дома, сколько Энни себя помнила, она закатала рукава и начала стирать все вручную — не самое легкое занятие. Она то и дело оборачивалась на дом, проверить, не проснулся ли Сэм. Но сын спал на удивление долго. Может, это такая своеобразная реакция и надо дать ему выспаться? Еще час, решила Энни, а потом она его разбудит и заставит поесть.

И тут она вспомнила, что еды-то у нее и нет. Энни развесила белье и пошла проверить шкафы. Все, что она нашла, это банку консервированного супа «Кэмпбелл» и банку сосисок. На срок давности она смотреть побоялась. Но ведь консервы лежат годами. На сегодня им с Сэмом хватит. В деревню плыть ей не хотелось. Только здесь она чувствовала себя в безопасности. Ей нужен был покой. Видеть людей она не хотела. Застыв с банкой в руке, Энни какое-то время думала. Есть только одно решение: придется позвонить Гуннару. Он присматривал за домом со времени смерти родителей и, конечно, поможет ей. Те-

лефон в доме, правда, больше не работал, но мобильный принимал хорошо. Она быстро набрала номер.

— Сверин.

Имя вызвало столько воспоминаний, что Энни не сразу обрела голос, чтобы продолжать разговор.

— Алло. Кто это?

— Это я, Энни.

— Энни! — воскликнула Сигне Сверин.

Та улыбнулась. Она всегда любила Сигне и Гуннара, и чувство это было взаимным.

— Милая, как ты? Ты звонишь из Стокгольма?

— Нет, я тут, на острове.

Слова удавались ей с трудом. И неудивительно: она спала всего пару часов, и усталость брала свое. Отсюда и эта эмоциональность. Энни откашлялась.

— Я приехала вчера.

— Но, милая, ты должна была нас предупредить. Мы бы прибрались. Там, наверное, ужасно...

— Ничего страшного, — перебила Энни. Она уже и забыла, как Сигне быстро болтает. — Вы хорошо за всем тут присматривали. Мне нужно было только немного постирать.

Сигне фыркнула:

— Могла бы и нас попросить о помощи. Все равно нам делать нечего. Внуков у нас с Гуннаром нет. Но, кстати, Матте вернулся домой из Гётеборга. Он получил работу в коммуне в Тануме.

— Как здорово! Почему он решил поменять работу?

Энни представила Матте. Загорелый блондин, всегда в хорошем настроении.

— Право, не знаю. Все произошло так быстро. Но с ним случилось одно несчастье, и мне показалось... Однако не будем об этом. Не переживай из-за старухи, которой не с кем посплетничать. Лучше скажи: что у тебя на сердце, Энни? Чем мы можем тебе помочь? И с тобой ли малыш? Я так хочу его увидеть...

— Да, Сэм здесь, но он приболел.

Энни умолкла. Больше всего ей хотелось бы, чтобы Сигне увидела Сэма, но сначала он должен успокоиться. Сначала ей надо убедиться, что то, что случилось, не слишком на него повлияло.

— Вот поэтому мне и нужна помощь. У нас туго с едой, а я не могу взять с собой больного Сэма...

Сигне не дала ей закончить.

— Конечно, мы поможем. Гуннар все равно собирался выйти в море после обеда. А я куплю вам продуктов. Только скажи, что нужно.

— Я могу потом дать Гуннару наличных.

— Конечно, милая. Так что мне купить?

Энни словно видела, как Сигне надевает очки и, сдвинув их на кончик носа, тянется за бумагой и ручкой. Благодарная, она быстро перечислила все, что вспомнила, включая пакет конфет для Сэма, чтобы избежать скандалов в субботу. Он всегда тщательно следил за днями недели и ждал субботних сладостей уже начиная с воскресенья. Закончив разговор, она хотела было пойти разбудить Сэма, но что-то подсказало ей, что лучше еще подождать.

* * *

Работа в участке замерла. Бертиль Мелльберг с неожиданным для него тактом спросил Патрика, надо ли им приходиться на похороны. Но тот только покачал головой. Он недавно вернулся на работу, и все ходили вокруг него на цыпочках, включая Мелльберга. Паула и Бертиль первыми прибыли на место трагедии. Увидев искореженные автомобили, они решили, что в такой аварии выжить никто не мог. Заглянув в окно одной из машин, они сразу узнали Эрику. Прошло всего полчаса после того, как «Скорая» забрала Патрика из участка, и он не знал, жива его жена или мертва. Врачи не мог-